

*С большой благодарностью Андрею Васильеву,
первому, кто придумал, что я могу писать книги*

это утро мой внутренний барометр был настроен на «мрачно».

Есть у меня такая штука, благодаря которой я попой чувствую предстоящие неприятности.

Сегодняшнее «попоощущение» означало, что с вероятностью в девяносто семь процентов день окажется неудачным. Впрочем, он вряд ли мог быть другим, начавшись со звонка бывшего мужа.

Нет, вы не подумайте, с моим бывшим я сохранила вполне нормальные отношения. Такое бывает, хоть и нечасто. С его женой мы тоже сосуществуем достаточно мирно, что бывает еще реже.

Она относится ко мне как к человеку, который наконец-то вернул всегда принадлежавшую ей, но второпях случайно прихваченную вещь. То есть хорошо (потому что я все же поимела совесть и вещь вернула), но с подозрением (а вдруг еще что-нибудь стибрю). Я Нину жалею. Ей очень не повезло со свекровью. Хотя ради справедливости надо признать, что они отлично ладят.

Впрочем, сейчас не об этом. Когда позвонил мой благоверный (бывший... бывший), часы показывали без пятнадцати шесть утра. Ничего из ряда вон выходящего... У него в Бангкоке день был в самом разгаре. Четыре часа разницы как-никак.

Неспособность произвести в уме несложное математическое действие и регулярное вытаскивание меня

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

(теплую, сонную и беззащитную) из кровати ни свет ни заря бесит страшно. Он же никак не может взять в толк, почему я, собственно говоря, бешусь.

За последние годы моего мужа изрядно помотало по миру. Поэтому к его экстравагантным звонкам посреди ночи я должна была бы уже привыкнуть. И проявлять немедленную готовность к разговору: почистить оружие, отрыть окопы полного профиля, укрепить фланги деланым радушием, спрятать засадный полк шпилек. Но когда вторжение начинается в шесть утра, коварно и без объявления войны...

Впрочем, он всегда умудряется напомнить о себе как-то особенно не вовремя (возможно, это общее качество всех бывших мужей). Вот и сегодня... Мало того, что суббота, когда я могу на полном основании поспать подольше. Так и легла я только в три часа ночи, потому что накануне проходил ежегодно устраиваемый моим агентством Бал счастливых встреч.

Подготовка к нему заняла два месяца. Прошло все, как всегда, на ура. Но устала я страшно. Рухнув в постель, планировала отсыпаться как минимум до полудня. Но бывший муж разрушил мои планы.

— Господи, что тебе нужно! — простонала я, поняв, что это действительно он.

— Я не господи, а ты, как всегда, очень вежлива, — обиженно отозвался голос в трубке. — Только не надо говорить, что я не вовремя.

Объяснять, что еще нет шести утра, что сегодня суббота, а накануне у меня был Бал, я не стала. За полной неконструктивностью подобных действий.

— И не думала ничего говорить, — вздохнула я. — Ведь ясно, что говорить будешь ты. Зачем-то ведь ты позвонил...

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

— Все-таки мама права, ты всегда была стервой, — укорил меня экс-супруг. — С самого утра настроение испортишь. А я ведь не просто так звоню. У нас с тобой ребенок как-никак. И, между прочим, я о нем забочусь.

Умопостроение было так себе. Спорное умопостроение. Во-первых, я не считаю, что о Сережке можно говорить «как-никак». Он очень даже КАК. И последние восемь лет забочусь о нем в основном я. Нет, алименты мой бывший муж платит исправно. Но Сережка ему абсолютно неинтересен. Он не знает, что сын научился читать, когда ему не было и четырех. Что он ходит в секцию плавания и показывает неплохие результаты. Не знает, что у него была корь, а вот переболеть свинкой нам пока не удается. (Мне бы очень хотелось, чтобы эту хворь мы перенесли до периода полового созревания.)

Свою заботу о сыне мой бывший помимо алиментов видит только в одном. Раз в год, собираясь с женой и дочерью в отпуск, он настаивает на том, чтобы взять Сережку с собой.

Хотя я не права. Так понимает его заботу о сыне новая жена Нина. Мой бывший муж никогда не принимал никаких решений сам.

Нина очень печется об общественном положении их семьи. В посольстве все крайне внимательно следят за репутацией друг друга. А в том, чтобы регулярно брать в отпуск ребенка от первого брака мужа, согласиться, есть особый шик.

— Смотрите, насколько мы не мещане! — каждый год как будто говорит окружающим Нина. — Смотрите, насколько у нас цивилизованные отношения и как я не препятствую общению мужа с прежней семьей!

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

Надо заметить, что уловка эта срабатывает и окружающие Нину уважают. Я же не против таких поездок. Во-первых, отец у ребенка все же должен быть. Пусть даже раз в год. А во-вторых, Сережка хоть мир посмотрит. Кстати, в выборе мест отдыха мой муж, вернее Нина, проявляет пристрастие к экзотике. Я бы до такого не додумалась.

Так и есть. На этот раз речь шла о поездке на остров Реюньон. Кто не знает, есть такой французский заморский департамент неподалеку от Мадагаскара. Ехать предстояло через месяц. Проблемы с визой муж брал на себя. Есть все же польза от его дипломатической карьеры. На мне оставалось официальное разрешение на вывоз, а также доставка Сережки в столицу Реюньона Сант-Дениз. Семья мужа летела туда прямо из Бангкока.

Тогда я еще не знала, что последний пункт создаст мне массу дополнительных хлопот. Сережка спокойно летал в самолете один. С книжкой про Гарри Поттера ему был не страшен даже десятичасовой перелет на Мальдивы. Там они отдыхали в прошлом году. Поэтому я опрометчиво согласилась на то, что 10 мая сын будет отправлен в Сант-Дениз.

На обратном пути папочкина семья доставляла его прямо к моему порогу. На остаток отпуска они прилетали в родной город проведать нашу с Ниной свекровь. Мою, к счастью, бывшую.

Обсуждение всех перипетий предстоящего отдыха заняло довольно много времени. Когда разговор наконец-то закончился, часы показывали начало восьмого. Я еще немного поворочалась на подушке, устраиваясь поудобнее, но сна не было. Ни в одном глазу, ни в другом.

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

Спустя полчаса стало окончательно ясно, что день не задался, а потому я сползла с кровати и, кляня мужа, а заодно всех его родственников по женской линии до третьего колена, поплелась варить кофе, перебирая в уме дела, которые можно будет сделать сегодня.

Люди, когда-то связанные браком, никогда не расстаются до конца. Простившись, мы застреваем друг в друге как осколки в солдатском теле.

Эти «почти военные» раны сначала нестерпимо болят, не давая уснуть по ночам и сосредоточиться во все остальное время суток. Потом боль стихает, уходит куда-то на задний план, но сохраняется память, которая грозит взорваться новым нестерпимым приступом при любом неловком движении.

Для возникновения болевого синдрома достаточно выпавшей из старой книги фотографии, мелькнувшего в окне троллейбуса знакомого силуэта или такого вот звонка под утро.

Я никогда не стараюсь казаться лучше, чем я есть на самом деле. Те, кто меня любит, принимают меня со всеми моими достоинствами и недостатками. На тех, кто меня не любит, мне наплевать.

Единственный человек, в глазах которого я стараюсь всегда выглядеть успешнее, талантливее, достойнее, — это мой бывший муж. И, как мне кажется, это общее качество всех бывших. Мужей и жен. При каждой встрече, при каждом разговоре мы как будто даем им понять: смотри,

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

я без тебя не пропала. Я живу хорошо, гораздо лучше, чем с тобой. У меня все есть. Позавидуй моей удаче и, может быть, ощути мимолетный укол от того, что я тебе больше не принадлежу.

Меня зовут Алиса Стрельцова. Имя досталось мне от мамы, которая в молодости была страстной почитательницей Кэрролла. Не могу сказать, что в детстве я сильно радовалась этому обстоятельству. Кэрролла мои одноклассники не читали, а вот вопросы «где твой кот Базилио?» и «в чем тайна Третьей планеты?» преследовали меня все десять лет учебы в школе.

Только в юности я научилась извлекать пользу из своего необычного имени. Молодым людям нравилось, что меня зовут Алисой. Мой бывший муж, который к тому моменту был еще будущим, тоже запал на него (и не только на него, естественно) со страшной силой. В результате я и стала Стрельцовой.

Его самого тоже зовут будь здоров: Артемий. Моя свекровь Иллария Венедиктовна (здорово, правда?) любит звучные имена. Когда родился наш сын, именно свекровь настояла, чтобы его назвали Сердалионом. Сердалион Артемиевич Стрельцов — так это звучит полностью.

Я, наивная, тогда верила, что, угождая свекрови, рано или поздно дождусь ее расположения, а потому особо не сопротивлялась, решив, что буду звать сына Сережкой. Забыла про свой печальный опыт, не подумала, дура, что ребенка в школе будут обзывать серапионом, скорпионом, медальоном... — детская фантазия богата на обидные клички.

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

Замуж я вышла в восемнадцать лет. Хотя «вышла» — это для тех, кому за 30. Те, кому за 20, — выскакивают, ну а я, видимо, вылетела. Через два месяца после начала студенческой жизни стало понятно, что у меня страстный роман с однокурсником. Тем самым Артемием Стрельцовым.

Мне в нем нравилось все. Необычное имя (мы все тогда безумно увлекались роком и, естественно, легендарным музыкальным плейбоем Артемием Троицким). Красивая фамилия, баскетбольный рост, прямой нос и синие глаза, вызывавшие у меня почтительное удивление.

Фактором, заметно ускорившим развитие наших отношений, стала роскошная четырехкомнатная квартира, принадлежавшая Артемию безраздельно. Его отец был членом Верховного Совета (смешно звучит — «был членом») и жил в Москве. Мама, Иллариya Венедиктовна, «поступив мальчика в институт», уехала следом за мужем налаживать депутатский быт.

Так Артемий оказался на факультете иностранных языков местного университета, в одной группе со мной.

Полгода я пребывала в состоянии безоблачного счастья. Мои родители радовались нашей большой и чистой любви. Его родители ничего о ней не знали.

Первое предупреждение о необходимости гасить эмоциональные кредиты жизни прозвучало под Новый год, когда любящие родители нагрянули домой, к ненаглядному сыночку. Мы, естественно, собирались отмечать праздник вместе. Поэтому, слегка робея, я с новомодной прической, в умопомрачительном платье и с минимумом косметики на лице предстала пред светлые очи Иллариy Венедиктовны.

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

Мой ненаглядный, хорошо знавший свою мамочку, ни о чем ее не предупредил. Поэтому мое появление оказалось для нее сюрпризом. Не могу сказать, что приятным.

Пикантности ситуации добавил и факт присутствия за новогодним столом разодетой в пух и прах Нины.

Из невнятного меканья и беканья, которое я смогла выдавить, прижав к стене на кухне изрядно обделавшегося Артемия, выяснилось, что их родители много лет дружат семьями. Отец Нины был когда-то первым секретарем обкома.

Несмотря на это «когда-то», свой статус мой будущий свекор Александр Антонович ценил безмерно. А Иллария Венедиктовна еще больше. Само собой разумелось, что Артемий и Нина поженятся. Так бы оно и случилось, если бы моего любимого не настиг ураган «Алиса».

— Бред какой-то! — тут же заявила я ему. — Не Средневековье же, чтобы без любви жениться. Твоя мама обязательно поймет, как мы любим друг друга. И вообще, я ей понравлюсь. Я нравлюсь всем мамам без исключения.

На самом деле так оно и было. Подружки и приятельницы моей мамы класса с седьмого (моего, естественно) спали и видели, чтобы я вышла замуж за их сыновей. Сыновья относились ко мне с разной степенью интереса, но мам я почему-то очаровывала «на раз».

Артемий в ответ только вздохнул. И, как выяснилось позже, оказался гораздо ближе к истине. Иллария Венедиктовна оказалась первым в моей жизни исключением из правила.

В ту новогоднюю ночь я была скромна, остроумна и почтительна. Я без усталости восхищалась успехами Ар-

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

темия, его внешностью, убранством дома и вкусом поданных на стол блюд. То есть, с точки зрения любой потенциальной свекрови, вела себя правильно. Но новогоднее застолье все равно напоминало поминки. Не хватало только горестных причитаний «на кого ж ты нас покинул, родимый?». Впрочем, их сполна заменяли траурные вздохи Нины. В два часа ночи я позорно покинула поле битвы и сбежала домой.

Назавтра Артемий не позвонил. Я промучилась до восьми вечера и все-таки рискнула набрать его домашний номер.

— Артемия нет дома, — услышала я ледяной голос в трубке. — Они с Ниной (голос заметно потеплел) ушли на каток. И попрошу вас больше сюда не звонить (телефонная трубка покрылась инеем). В конце концов, это неприлично.

Два дня я функционировала в режиме рыбы белуги. То есть редела в голос. На третий мне предстояло приплыть на экзамен, к которому я была совершенно не готова. И вообще, разве белуги сдают экзамены?

Артемий встретил меня у входа в институт.

— Лисенок, — шептал он, елозя губами по моей мокрой щеке, — я тебя умоляю, потерпи немного. Через неделю они уедут, и мы снова будем вместе. Потерпи, маленькая, я тебя так люблю. У нас все будет хорошо.

Нам действительно стало хорошо. Не считая того, что экзамен я в тот день завалила. Зато теперь у нас был План по преодолению сопротивления семьи Стрельцовых.

Великий План заключался в том, что Артемий доложил родителям, что больше со мной не встречается. Раз в неделю он приглашал Нину на концерт или в театр, о чем информировал мамочку, успокаивая веро-

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

ятных противников и скрывая от них направление главного удара.

Вторая часть плана состояла в том, чтобы сделать меня беременной. Это Артемий выполнял с гораздо большим энтузиазмом. Впрочем, я тоже была не против. Мне очень хотелось добиться результата. Да и процесс, в принципе, нравился.

Это было похоже на легкоатлетический кросс. Каждый раз, разглядывая чешскую люстру под потолком (неизменный атрибут, свидетельствовавший о высоком положении владельцев квартиры), я представляла, что бегу на не очень длинную дистанцию. Когда запыхиваешься, конечно, но не сильно, не до сбоя дыхания. Ощущаешь приятную усталость и страшно горд результатом.

В мае к гордости начала примешиваться тошнота по утрам. Мы коварно скрывали мое интересное положение до июля. Ждали, пока Александр Антонович и Иллария Венедиктовна заедут домой перед отпуском. К слову, они планировали, что Артемий и Нина поедут с ними. В Болгарию. На Золотые Пески.

До сих пор, когда я представляю, сколь жестоким было разочарование Илларины, мне становится ее жалко. Гордая дама билась в истерике, как юная институтка. Когда же выяснилось, что аборт делать уже поздно, истерика перетекла в отчаяние.

Артемий вел себя как нагадивший в прихожей щенок. Честное слово, он даже прижимал уши к голове. Меня, помню, это умиляло. Боже, как же я тогда его любила!

Буря бушевала неделю, после чего наши родители познакомились и начались приготовления к свадьбе. Будущая свекровь разрывалась между неукротимой потребностью не ударить в грязь лицом перед знакомыми

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

и желанием, чтобы у этой «распутницы, обманом втершейся в наш дом» (то есть меня), не было Праздника.

— Как нам ее людям показывать! — жаловалась она Артемию очень громким шепотом. — И так-то не красавица, манер никаких, да еще и беременная! — В устах Илларики беременность была чем-то схожим с неприличной болезнью.

Мой будущий муж, моя любовь, моя надежда, светоч и опора, подло молчал в ответ. Я страдала.

— Алиса, — сказала мне мама, когда мы уже буквально стояли на пороге, чтобы ехать заказывать свадебное платье, — подумай хорошенько, девочка моя. Может, не нужна тебе никакая свадьба? Поживите с Артемом (мама никак не могла выработать привычку называть зятя аристократическим именем) у нас. С ребенком я помогу. Ты ведь даже не представляешь себе, во что ввязываешься.

Но мне хотелось замуж. Хотелось быть законной женой Артемия Стрельцова и воспитывать нашего законного ребенка. Правда, мысль пожить у моих родителей показалась мне заманчивой.

— Не глупи, — сказал Артемий, с которым я поделилась этой идеей. — Мои предки все равно скоро в Москву свалят. Терпеть-то осталось всего ничего. Сразу после свадьбы и уедут. А у меня все-таки четыре комнаты.

Свадьбу я помню как один большой кошмар. Только и всплывают в памяти разрозненные картинки. Ледяное лицо свекрови, которая за вечер ни разу не улыбнулась. Соболезнующие лица ее друзей. Отстраненное — свекра. Заплаканная мама. Насупленный папа. Моя подруга Наташка, очень веселая, потому что она впервые в жизни пришла на свадьбу. Лелька, моя свидетельница, которая почему-то наклюкалась до без-

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

образия. Серьезная Инка, свидетельница со стороны Артемия.

Нины Фроловой и ее высокопоставленных родителей на нашей свадьбе не было.

Поженились мы семнадцатого августа, а семнадцатого декабря родился наш сын. Такое вот совпадение. Тогда я думала, что счастливое.

Надо признать, что первые четыре месяца моей семейной жизни, пожалуй, были совершенно безоблачными. Мы с Артемием очень любили друг друга. Мы жили одни в огромной квартире. Поддерживать порядок по хозяйству мне было нетрудно, хотя муж (меня в восторг приводило это слово) в бытовых вопросах оказался сущим младенцем. Я, правда, тоже мало что умела, поэтому особенно над его странностями не зависала.

Мы, несмотря на мое интересное положение, с каждым днем становившееся все более интересным, по вечерам практически не вылезали из постели — бегали наш небольшой кросс. На чешской люстре я уже знала все мелкие дефекты, все царапинки...

Иллария Венедиктовна каждый вечер названивала сыночку, чтобы узнать: действительно ли портится характер у беременных, кормит ли его хоть кто-нибудь и жалеет ли он о своем скоропалительном необдуманном решении? Моим здоровьем за это время она не поинтересовалась ни разу.

За несколько дней до Нового года меня выписали из роддома. Там мне исполнилось девятнадцать. Артемий притащил 19 роз, которые мне только показали через стеклянную дверь ординаторской. Носить цветы в роддом было не положено.

Встречали нас с сыном муж и мои родители. Мама все обнимала меня и плакала, папа растроганно улыбался. А мне было очень страшно.

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

— Мамочка, — спросила я, когда мы уже сидели в машине, — а как же я управлюсь-то? Я его даже в руки брать боюсь. Он такой маленький, мне кажется, что он сломается. Может, мы у тебя немножко проживем?

— Мама с папой приехали, — ответил Артемий. — Специально на несколько дней раньше, чтобы тебе помочь.

Тут мне стало страшно по-настоящему. Надо отдать мне должное. Уже тогда я засомневалась, что в планах моей свекрови, даже самых отдаленных, стоит помощь «этой распутнице, обманом втершейся к нам в дом».

Так оно и оказалось. Целыми днями я моталась по квартире. У кого есть дети, тот меня поймет. Свекровь один раз в день ровно на 15 минут уносила внука в свою комнату, чтобы посюсюкать с «несчастливым ребенком». В остальное время она его упорно не замечала.

При этом я то и дело слышала, что я криворукая, что у меня напрочь отсутствует материнский инстинкт, что из-за меня орущий ребенок не дает никому спать по ночам.

Все, что я заказывала у Деда Мороза прошлой зимой, сбылось. Но мне, грешной, стало казаться, что, заказывая все это, я явно перестаралась. Как там у кого-то из мудрецов: «Бойся своих желаний — они могут исполниться».

В январе свекор со свекровью, к счастью, опять отбыли в столицу. При этом выяснилось, что я все-таки должна переехать к маме, чтобы мальчик (имелся в виду Артемий) мог спокойно подготовиться к сессии.

Я сессию сдала тоже. Из принципа. Одному богу да еще маме и моей подруге Инке известно, чего мне это стоило.

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

Еще через месяц погиб папа. В авиакатастрофе. Он был инженером-газовиком. Прекрасным специалистом, который мотался по области, осматривая какие-то газовые установки. Тогда я в этом не разбиралась по молодости лет, а к нынешнему времени так и не разобралась, потому что для меня это до сих пор очень большая тема.

В день гибели он облетал свои владения на вертолете. Вертолет упал, зацепившись за верхушки деревьев. Свекровь и свекор даже не приехали на похороны. Я металась между сыном, Артемием и учебой. Мама выживала, как могла, в своей квартире.

Постепенно жизнь входила в привычную колею. Подростал названный Сердалионом сынишка. Мама слегка оправилась, стала похожа на себя прежнюю.

Разгон Ельциным Верховного Совета меня встревожил. И вовсе не потому, что я была верной сторонницей Руцкого. Я испугалась, что свекор со свекровью могут вернуться домой. Но Александр Антонович победил на выборах в первую российскую Госдуму, так что я успокоилась и за будущее страны, и за свое.

Чужая ненависть и следующий за ней страх, перерастающий в панику, обжигали меня только два раза в год: на Новый год (кстати, я с тех пор так и не полюбила его обратно) и летом, когда родители мужа приезжали в отпуск. В остальное время я была вполне довольна жизнью. В том числе семейной.

Через несколько лет катастрофа все-таки разразилась. Свекор отсидел свой очередной срок. Ну, в смысле состоялись перевыборы в Думу, и он на них проиграл. Не набрал нужного количества голосов. Его обо-

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

гнал доселе никому не известный генерал. Интересно, что его кампанией занималась Инкина газета.

Инка тогда уже вовсю публиковалась и пробовала себя в пиаре. Она и в институт-то ходила от случая к случаю. Мы с ней на кухне подолгу обсуждали всякие пиар-технологии. Мне это казалось интересным, а Инка была важная, как индюк. Ей нравилось слово «имиджмейкер», и единственное, что расстраивало, так это то, что генерал — новичок в политике — никак не мог выучить это мудреное слово и упорно называл ее «жмейкером».

Самое смешное, что голосование проходило семнадцатого декабря, в день рождения Сережки. Могла ли я подумать, что победа Инкиного кандидата, за которого я, кстати, голосовала (из-за симпатии к Инке и фиги в кармане для свекрови), непоправимо изменит мою жизнь?

Иллария Венедиктовна и Александр Антонович приехали домой перед Новым годом с каменными лицами, и в семье воцарились траур и стойкий запах валокордина. Свекор практически не выходил из своего кабинета, видимо, переживал, как без него обойдется страна. Стоило Сережке с гиканьем пронестись по квартире, как Иллария Венедиктовна металлическим голосом просила меня поддерживать тишину в доме.

Мы с Сережей запирались в нашей комнате, где я читала ему сказки, но трехлетнего малыша было трудно долго удерживать на месте. Он вырывался из моих цепких объятий, сползал на пол и, топя крепкими ножками и громко смеясь, бежал по коридору...

К февралю быт постепенно наладился. В квартире даже появилась домработница. Шустрая пенсионерка быстро разобралась, кто в доме хозяин. Именно мои колготки отныне всегда доставались из стиральной ма-

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

шины порванными, а свитер — севшим на три размера. Стоило мне заикнуться, что я терпеть не могу гороховый суп, как его стали варить на обед с завидным постоянством.

Домашние вечера перестали быть томными. Я не могла разговаривать по телефону с Лелькой, потому что «воспитанные люди не занимают телефон, который может кому-нибудь понадобиться».

Я не могла уйти к Инке, потому что «порядочные женщины не бросают мужа и ребенка, чтобы сбежать на свидание».

Каждый день свекровушка находила тысячу причин, по которым я должна была считаться полным ничтожеством. Я не так ходила, не так одевалась, не так разговаривала и не так воспитывала ребенка. Даже то, что у меня от природы серые глаза, вызывало у свекрови сильнейшие подозрения.

Муж не то чтобы вставал на сторону мамы. Просто он никогда не вставал на мою. Семейная жизнь шла ко дну, как «Титаник». Чешскую люстру я разглядывала все реже. Но продержалась на плаву довольно долго. До конца госэкзаменов. А потом собрала свои и Сережкины вещи и ушла с сыном к маме. Мне очень хотелось верить, что муж последует за нами.

17 августа, в день четвертой годовщины нашей свадьбы, он действительно появился на пороге нашей квартиры. Но возвращать нас обратно вовсе не собирався.

— Ты не оправдала моих надежд. Я думал, что ты достойна войти в семью Стрельцовых, достойна моей любви. Но после того как ты так оскорбила маму, а потом бросила меня и ушла, забрав сына, нам не остается ничего другого, как расстаться. Я подаю на развод.

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

В принципе, я ожидала чего-то подобного, поэтому рыдала не так уж долго — часа четыре. Моя мечта о семейной жизни с любимым мужчиной... Моя вера, что такую любовь, как у нас, не может разрушить даже Иллария Венедиктовна... Мое желание, чтобы у Сережки был достойный отец... Все рассыпалось на глазах, смывалось слезами, оставляя разводы как на подушке, так и в душе.

В сомнамбулическом состоянии я провела месяцев пять. Плохо помню развод. Знаю, что мы ходили на него то ли два, то ли три раза. Судья с усталым взглядом матери-одиночки все пыталась нас остановить, ведь у нас ребенок. Потом свекор нажал на какие-то свои кнопки, и нас наконец-то избавили друг от друга. Я работала учителем в школе. На жизнь хватало, но мне было плохо, скучно и как-то серо.

Очередной Новый год мы встречали втроем: мама, Сережка и я. Мои девчонки все как одна были вовлечены в бурные любовные истории. Им было с кем праздновать. Я ходила по принаряженной квартире мрачная, как туча. Поздравляя Сережку с четвертым днем рождения, Артемий гордо объявил, что женился на Нине и уезжает жить в Москву.

Там его ждала оставшаяся от отцовских депутатских будней квартира, а также дипломатическая служба, на которую его тоже пристроил Александр Антонович. Знание двух языков давало надежду на работу за границей. Года через два, точно не помню, так оно и произошло.

Из желания отвлечься, освободить голову от мыслей о незадавшейся жизни и родилось занятие, которое потом стало для меня источником стабильного дохода. Я начала выдавать замуж засидевшихся в девицах подружек и соседок. Роль свахи мне удавалась.

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

Практически все знакомства, о которых я хлопотала, заканчивались фатой и маршем Мендельсона.

Творчески осмыслив этот факт, я решила поставить свадебное дело на промышленную основу. Открыла свою фирму, проштудировала родное законодательство, закупила несколько газет с объявлениями и пачку конвертов, и работа закипела. Первый год я трудилась как проклятая. За своим рабочим столом проводила по 12—14 часов в сутки, но к концу этого жуткого года у меня уже был свой офис (одна комната в полуподвальном помещении), штат сотрудников (не поступившая в институт девчушка, которая теперь вместо меня надписывала конверты) и картотека клиентов. Школу я, естественно, бросила.

Название своему детищу я придумала незамысловатое, но красноречивое: «Зимняя вишня». И взяла из одноименного фильма девиз: «Семья, как и Родина, просто должна быть». Он красовался на моих визитных карточках, а также на рекламных проспектах, которые я, не жалея денег, раскидала почти по всему городу.

На тот момент мне было 26 лет. Сегодня — 32 с копейками, и я хозяйка стабильно работающей конторы, в которой трудятся четыре психолога, два сексопатолога и с десятков менеджеров. В нашей картотеке есть представители почти всех российских городов, а также заокеанские женихи и невесты. Несколько десятков моих протеже живут в Германии, Франции и Бельгии.

У «Зимней вишни» прекрасное реноме, а стоят наши услуги столько, что я вполне могу позволить себе и ананасы в шампанском, и птичье молоко, и поездки на заграничные показы мод или Каннский фестиваль. Даже этот проклятый Реюньон я бы тоже

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

вполне могла себе позволить. В общем, женщина я самостоятельная и обеспеченная, а уж опыта в устройстве чужой личной жизни у меня хоть отбавляй.

Иногда я думаю о том, удалась бы моя карьера, если бы Артемий меня не бросил. И всегда прихожу к выводу, что нет. Я моталась бы за мужем из одной экзотической страны в другую, варила борщи, жарила котлеты и судачила с посольскими кумушками.

Скорее всего, я родила бы Артемию второго сына. Или нет, лучше дочку, и либо сидела бы дома, либо работала в посольской школе. Мне было бы абсолютно ни к чему кому-то что-то доказывать. Да и материальное благополучие нашей семьи зависело бы вовсе не от меня.

Читая в модных журналах о женщинах, сделавших карьеру (а про других женщин модные журналы просто не пишут), я обратила внимание, что для многих из них крах в личной жизни стал толчком для собственного развития. Когда вдруг выясняется, что твоя надежда и опора уже вовсе не твоя и тебе самой нужно думать и о своем будущем, и о будущем твоего ребенка, а заодно о том, откуда берется еда в холодильнике, это здорово бодрит.

Как говорится, за каждым известным мужчиной стоит любовь женщины, а за каждой успешной женщиной стоит предательство мужчины. Так что если кому-то нужны чужие советы, послушайте моего: ваша жизнь — слишком серьезное дело, чтобы доверить его мужчине.

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

Ну как можно отдать свою судьбу в руки человека, который трижды в неделю теряет собственные носки?

Он плакал во сне. Ему снился холодный, покрашенный масляной краской туалет. А в нем — худенькая девушка, почти девочка, которая пришла сюда, чтобы спрятаться. От злых людей, от самой себя.

Наверное, это очень символично — закончить свою жизнь в туалете. Ведь вся она — сплошной сортир. В его зловонных недрах копошатся черви, по недоразумению считающие себя людьми. Если бы можно было просто взять и спустить себя в канализацию вместе со всеми проблемами! И ощутить, как воронка воды засасывает в себя весь твой страх, боль, отчаяние, кислотой разъедающие внутренности...

Вода — как слезы. Она оmyвает душу, разбавляя эту ненасытную кислоту, плещущуюся волнами у самого горла. Иногда какая-нибудь особо жестокая волна поднимается, заливая глаза и черепную коробку, в которой начинает шипеть и обугливаться мозг.

Девушка, сидя перед унитазом, покрытым несмываемыми пятнами ржавчины, раз за разом дергала за железную цепочку сливного бачка и наблюдала за вспенивающимися бурунчиками воды. На все остальное сил у нее уже не было. В своем сне он отчетливо слышал, о чем она думает.

«У нас, когда я была маленькая, была такая цепочка, — вслед за ней он вспоминал, что да, именно такая цепочка. — Потом уже, во время ремонта, все знакомые стали менять сантехнику на современную, а сначала у всех были такие бачки — чугунные, под самым

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

потолком, и металлические цепочки с колечком на конце. Сейчас только в больницах такие бачки и остались. Бачок... Бычок... Идет бычок качается, вздыхает на ходу... Как хорошо быть маленькой! Мама читала этот стишок и подбрасывала меня на коленках, а я боялась упасть, как тот бычок. Мама, мамочка, вот теперь я почти совсем упала, только твои руки меня уже не держат».

Во сне он протянул к ней руки, она качнулась со своего пола к нему навстречу, но начала таять в хмурой пелене его пробуждения. Еще не до конца проснувшись, не до конца отпустив ту, которую он так сильно любил, он рывком сел в постели и ладонью протер мокрое от слез лицо.

«Черт знает, что такое, — мрачно подумал он, — последний раз я плакал в четыре года, когда скатился с деревянной горки и мама доставала мне из мягкого места сразу шесть заноз. Тогда же она объяснила мне, что слезы недостойны мужчины, и я больше никогда не позволял себе пустить слезу. Что сейчас-то со мной случилось? Нет, надо срочно доводить дело до конца. Зло надо не оплакивать, а побеждать».

Если не считать свекрови, мне в жизни сильно берет на людей. Прежде всего на подруг. У меня их четыре — по одной на каждый жизненный этап.

Так уж получалось, что на каждом отрезке взросления у меня появлялась одна новая подруга, которая и дальше оставалась со мной рядом. Надеюсь, что навсегда.

Лельку мне подарил детский сад. Наши горшки стояли рядом. Правда. Я не шучу. В более позднем

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

возрасте мы бы вряд ли встретились — в силу социального неравенства. Лелькина мама, тетя Надя, работала дворником. Вообще-то она подметала двор того дома, где я жила, а в детский сад устроилась только затем, чтобы туда взяли Лельку.

Сидя на горшке, я понятия обо всем этом не имела, мы с Лелькой просто подружились. Она с нежным трепетом относилась к моим новым куклам, особенно к немецкой, купленной в «Детском мире» за бешеные деньги — 14 рублей.

Я же с восторгом первооткрывателя разглядывала подружкины игрушки: зайцев, медведей и клоуна, сшитых из старых тряпок. Клоун мне нравился особенно. Тетя Надя соорудила его из махрового халата — голубого в белые облака. Мне казалось, что это очень красиво. К тому же ни у кого больше не было таких игрушек. Помнится, я попыталась поканючить, чтобы и мне мама сшила такого же клоуна. Обязательно голубого с белым. Но мама моего восторга не разделяла и от исполнения материнского долга уклонилась.

В один со мной класс Лелька не попала. Директрисе бы в страшном сне не приснилось, чтобы в элитный первый «А» взяли дочку дворничихи. Поэтому за одной партией со мной оказалась не она, а Наташка, с которой я благополучно просидела все десять лет, за исключением двух месяцев, и, естественно, дружу до сих пор.

Таким образом, нас стало трое. Наташкина мама, преподаватель научного коммунизма в педагогическом институте, отнеслась к этому факту прохладно. Первые годы нас спасало то, что Лелька в своем «В» классе была круглой отличницей. Она искренне верила, что ее обязательно переведут в «А», если она добьется «успехов в боевой и политической».

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

После первого класса тетя Надя наотрез отказалась разговаривать на эту тему с директором. После третьего Лелька взяла дневник с оценками за год и пошла к директрисе сама.

Результат похода напоминал разгром шведов под Полтавой. Директриса быстро и доходчиво (методист как-никак) объяснила десятилетней девчонке, что «запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не сойтись».

К чести Лельки, плакала она недолго. Зато в четвертом классе абсолютно забила на учебу. Психологи называют это отсутствием мотивации. К седьмому классу моя подружка дружила с самыми отпетыми хулиганами, взятяг курила на заднем крыльце школы и ругалась отборным матом.

В результате на Наташкину дружбу с ней был наложен мораторий. Мои родители по этому поводу тоже совещались, а я, конечно, подслушивала. Мама озабоченно говорила что-то о «тлетворном влиянии». На что папа мудро, хоть и слегка печально, ответил:

— Мы не можем запретить Алисе дружить с тем, с кем она хочет. Тебе должно быть важно, чтобы она не получала двойки, не курила и не шлялась. Воздействовать на жизнь чужого ребенка ты не сможешь, даже если вывернешься наизнанку. Сейчас ты хотя бы знаешь, что, с кем и как делает твоя дочь. Если хочешь, чтобы она начала действовать тайком, лгать и изворачиваться, ты на верном пути.

В результате этого нестандартного педагогического подхода местом встреч, которое изменить нельзя, стала наша квартира. Наташке запретили ходить к Лельке домой и приглашать ее к себе. Запретить визиты ко мне ее родители не могли, так что закрыли на это

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

глаза. Логики, надо признать, в подобном подходе не было ни на грамм.

Основной удар подросткового кризиса моя мамочка героически приняла на себя. Лелька принесла в школу порнографические картинки — моя мама собрала нас троих на беседу о физиологических различиях мужчины и женщины, а еще о том, откуда берутся дети и что делать, чтобы они оттуда не брались.

Мама читала нам лекции о венерических заболеваниях. Мама учила вести женский календарь. Мама советовала, как быть с мальчиками. В прямом и в переносном смысле. В общем, досталось ей от нашей троицы — будь здоров.

Как-то года три назад я вознамерилась сказать ей за это спасибо. Мама чмокнула меня в щеку:

— Доченька, мне правда приятно, что ты это смогла оценить. Но если честно, мне ведь было проще, чем, к примеру, Наташиной маме. Она разбиралась в этих вопросах совсем не так хорошо, как в научном коммунизме. А я все же гинеколог...

Лукавила, ой лукавила тогда мамуля! «Человекочасов» она на нас потратила немерено. И благодарна ей за это не только я. Лелька с Наташкой тоже это ценят.

— Ты знаешь, Алька, — как-то сказала мне Леля, — я вот думала, почему меня бог уберег от случайного залета, аборта... Я ведь ой как куролесила тогда! А потом поняла, что это я Александре Андреевне должна спасибо сказать. Вроде никаких инструкций она не давала, я ее так слушала, из интереса. Уж больно не сходились ее рассказы с тем, что девки в классе говорили. А как-то запало в душу. Я, вольно или невольно, в любой ситуации ее советам следовала.

В общем, мама у меня молоток. И тогда была, и сейчас.

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

На абитуре в институте я познакомилась с Инкой. Нас обеих трясло, как осиновый лист. А вдвоем трястись было не так страшно. И мы целый месяц проходили как «шерочка с машерочкой». Слава богу, первого сентября мы оказались в одной группе, так что нашего полку прибыло, и Инка влилась в наш дружный коллектив.

Вы даже представить себе не можете, что значила для меня поддержка подруг, когда я, беременная, готовилась к семинарам, через месяц после родов сдавала сессию, училась, несмотря на Сережкины вопли и хронический недосып, терпела издевательства све-крови и постепенно нарастающий разлад с мужем. Без них я бы пропала.

Позже к нашей компании прибилась еще Настя. Ее «выцепила» Инка, волею судеб попавшая в журналист-ки. Если Инка ведаёт журналистскими расследования-ми и криминалом, то Настя отвечает за «светскую хронь» и официальный «паркет». Она частенько поль-зуется как моими, так и Лелькиными связями, но дру-жить нам это не мешает. Кстати, именно Настя однаж-ды задумчиво заметила:

— А ведь у тебя, Алиска, талант. Ты не теряешь друзей по дороге.

— Как это? — удивилась я.

— Ну, посуди сама, много ли ты знаешь женщин, у которых четыре настоящие подруги?

— Да у всех женщин есть подруги, — по-прежнему не понимала я.

— Конечно, у всех, — терпеливо кивнула Настя. — С кем бы они иначе по вечерам по телефону трепа-лись и кому бы на мужа жаловались? Но у большин-ства баб на данный момент времени, как правило, есть

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

одна лучшая подруга, а остальные — это просто знакомые и приятельницы.

Они просто кочуют из одной категории в другую. С кем на данный момент больше общаешься — та и подруга. Обстоятельства изменились — уже другая подруга. А у тебя не так. Ты дружишь со всеми, с кем когда-то дружила. Это в твоей жизни — постоянная величина. Константа. Мужики меняются, дети появляются, стиль жизни совсем другой. А подруги те же!

Я тогда отмахнулась, но вечером вспомнила ее слова и с удивлением поняла, что она права. То есть я не про талант, конечно, а про то, что все мои подруги со мной. Лелька, Наташка, Инка и сама Настя. Ну и слава богу!

ГЛАВА 2

СЮРРИЗ ИЗ ПОДВОРОТКИ

Жить надо так,
чтобы тебя помнили и сволочи.

Фаина Раневская

Пытаясь сварить кофе, я уронила пакет с зернами. Пришлось ползать по полу. Настроения мне это не прибавило. В ванной ручка переключения душа вдруг осталась у меня в руках. В туалете выяснилось, что в доме в принципе закончилась туалетная бумага. На хлебе вырос пенициллин. Актимель, который я пью по утрам, почему-то забродил.

С этим срочно нужно было что-то делать, и я позвонила Лельке.

Моя детская подруга — самый модный парикмахер нашего города. У нее огромный салон, приносящий бешеную прибыль.

Как ей, дочке дворничихи, это удалось, знает только она сама. Ну и я немного. Я вам уже рассказала, что, осознав свой социальный статус, она сорвалась с резьбы. Ее загулы продолжались вплоть до восьмого класса, когда девку словно подменили.

Тогда я просто удивлялась. Много ли соображаешь в пятнадцать-то лет! Но много позже, когда мы уже стали взрослыми людьми, я поинтересовалась, почему она вдруг, ни с того ни с сего, взялась за ум.

Оказывается, к этому тоже приложила руку моя мама. Как-то Лелька в выходной день заявила ко мне домой, пьяная в дымину. Меня по какой-то потерянной за давностью лет причине на месте не было.

Мама втянула Лельку в квартиру, сунула под холодный душ, растерла полотенцем, отпоила чаем и на-

СУДЬБА ЗИМНЕЙ ВИШНИ

кормила. Душещипательных бесед она не вела, но, когда моя протрезвевшая подруга была готова покинуть наш гостеприимный дом, мама произнесла:

— Люба, я сейчас скажу тебе одну вещь. Скажу и забуду. Потому что такие вещи говорят только один раз. Ты одна в ответе за свою судьбу. И в старости, оглядываясь назад, ты не сможешь винить в том, что с тобой случилось или не случилось, ни маму, ни обстоятельства, ни Галину Александровну (так звали нашу директрису), ни Господа Бога.

Ты можешь жить, как живешь. И тогда твоя дочь тоже будет ходить в «В» класс и злиться на то, что ее не принимают в круг избранных. Но ты можешь поставить перед собой цель, чтобы у твоей дочери было все, чего лишена ты. И добиваться достижения этой цели.

Ты в начальной школе доказала, что достойна лучшего. Но ты не должна никому ничего доказывать. Даже себе. Значение имеет только будущая цель. Найди ее и иди к ней. Не спускай в сортир свою жизнь и жизнь твоих будущих детей.

После этого мама выставила Лельку из квартиры. Мне про этот разговор тогда не рассказала ни одна, ни другая. Лелька три дня не ходила в школу. Думала. После чего пришла на уроки совсем другим человеком.

Исправлять аттестат, чтобы попасть в девятый класс, ей было поздно. Там все было очень запущено. Кроме того, тетя Надя вряд ли могла тащить на своей шее дочь до бесконечности. К тому времени она уже очень тяжело болела, и Лелька все чаще подметала за нее двор по утрам.

Окончив девять классов, она пошла в ПТУ. Учиться на парикмахера. Когда ей нужно было сдавать какие-то

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

экзамены или что они там сдавали, ее подопытным кроликом всегда оказывалась я.

Страшно было только в первый раз. Потому что тогда же выяснилось, что Лелька жутко талантлива. Под ее руками на голове рождалось чудо. Глядя на мою неземную красоту, к «экзаменам» подключилась Наташка, полгода канючившая, чтобы ее тоже подстригли.

Получив диплом, Лелька устроилась в парикмахерскую. Через полгода к ней записывались в очередь на месяц вперед, а заведующая смотрела на нового мастера как на божество и называла доченькой.

За минувшие годы Лелька окончила хренову тучу курсов, открыла свое дело, набрала талантливых мастериц и развернулась во всю ширь. Сама она берет в руки ножницы только для особых клиентов. Ее личные услуги стоят триста баксов. Надо ли говорить, что меня, маму и подруг Лелька обслуживает бесплатно?

Ее сын Максим учится в самой престижной школе города. Напророченной ей моей мамой дочерью она пока не обзавелась.

— Ты чего в такую рань встала? — удивилась Лелька, услышав мой голос.

Естественно, подруга знала, что накануне мое агентство устраивало праздник, который мы проводили третий год подряд. Мы арендовали большой ресторан, в который приглашались все пары, нашедшие друг друга с нашей помощью за последний год. Поэтому мероприятие так и называлось: «Бал счастливых встреч». Кроме того, на него приходили наши новые клиенты, как мужчины, так и женщины, которым пока не удалось найти свою вторую половинку. По нашей статистике, на этом балу завязывалось от десяти до